

тельных размерах использовала труд рабов и наемных работников³⁴. Социальный состав торгово-ремесленного населения в византийском городе (X—XI вв.) был значительно менее однородным (использование труда рабов и мистиев), чем в городах Западной Европы, а отношения между различными его категориями значительно более острыми. Все это тоже толкало торгово-ремесленную и ростовщическую верхушку к еще более прочному союзу с феодальным государством, которое получало, таким образом, возможность более активно эксплуатировать основное торгово-ремесленное население в интересах феодалов, мешая укреплению его экономического положения. Главная тяжесть этой эксплуатации не касалась привилегированных торговцев и ремесленников. К тому же в условиях существования достаточно сильного государства, развитого бюрократического аппарата и налоговой системы представители богатой торгово-ростовщической верхушки, тесно связанные с государственными заказами, разными путями сливались с господствующим классом, получая государственные должности, покупая титулы и земельные владения³⁵. На эти цели расходовалась довольно значительная часть средств, накопленных в ремесле и торговле.

Нам представляется, что все это обусловило в конечном счете отставание развития византийских городов сравнительно с итальянскими. В основной их массе не сложилось достаточно мощного и более или менее единого по своим интересам слоя ремесленников и торговцев. Тем более, по-видимому, нельзя говорить об образовании в византийских городах патрициата — особой социальной группы богатой части городского населения³⁶, все более отделявшейся от феодалов-землевладельцев. Патрициат в Византии не сложился, за исключением, может быть, отдаленных и довольно изолированных городов, игравших значительную роль в посреднической торговле. Патрициат сформировался здесь из богатого купечества и части наиболее тесно связанных с городом феодалов. Таким образом, употребление этого термина применительно к византийским городам, встречающееся даже в учебной литературе, нам представляется недостаточно обоснованным³⁷.

Нам представляются в связи с этим недостаточно обоснованными и попытки широких выводов о городах Византии вообще на основании того материала³⁸, который свидетельствует о возросшем к середине XI в. экономическом и политическом значении богатых торгово-ремесленных и ростовщических кругов Константинополя как центра внутреннего производства и международной торговли в течение предшествующего столетия. Развитие экономики столицы сдерживало подъем провинциальных городов, происходило частично за их счет, и положение упомянутых социальных кругов в Константинополе явно не отражало общего уровня их развития в других городах страны. А. П. Каждан совершенно правильно, с нашей точки зрения, писал об «избалованной монопольным

³⁴ М. Я. С ю з ю м о в. Византийская книга эпарха М., 1962; А. П. К а ж д а н. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. — ВВ, VI, 1958; е г о ж е. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, гл. 5 и 6; е г о ж е. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. — ВВ, IV, 1951, стр. 11—42 и др.

³⁵ См., например, М. Я. С ю з ю м о в. Византийская книга Эпарха, стр. 40; е г о ж е. Борьба за пути..., стр. 52: «Доходы от торговли и ремесла не шли на расширение производства: разбогатевшие купцы и ремесленники покупали придворные звания, их сбережения превращались в потребляющее богатство, выходя по большей части из сферы производства».

³⁶ В этом отношении нам представляются заслуживающими внимания соображения Г.-Г. Бека (H.-G. В е с к. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer früh-mittelalterlichen Hauptstadt. — ВЗ, 58, 1965, S. 20).

³⁷ История средних веков, том I, 1965, стр. 428.

³⁸ См., например, Sp. V г у о n i s. Op. cit., p. 289—314.